

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Theory and methodology

УДК 159.9

О СООТНОШЕНИИ СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО

Асеев Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: aseev@ur.rags.ru

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается идея о неоднозначном соотношении объективного и субъективного в жизнедеятельности человека в мотивационном аспекте. Активное отношение человека к действительности предполагает не только адекватное отражение действительности, но и построение высокозначимого желательного или нежелательного состояния действительности в плане программы ее преобразования.

Ключевые слова: субъективное, объективное, субъективно значимое, реальное, соотношение содержательного и динамического, мотивационное отражение действительности.

Адекватность субъективной значимости состоит в ее соответствии действительности. Казалось бы, простота этого принципа обеспечивает и легкость его реализации. Однако вся история философии и психологии свидетельствует об огромных трудностях решения проблемы соотношения объективного и субъективного. Эта проблема существенно поразному ставилась в ключевых направлениях философской мысли, в разных психологических теориях, она по-разному трактовалась и в теоретико-методологических взглядах отечественных психологов. Дело заключается не только в трудностях разработки вопросов строения субъективной реальности, но и в сложности структуры объективной действительности как таковой.

Какая же объективная реальность стоит за субъективной значимостью? Чем определяется значимость или незначимость событий для человека?

С одной стороны, значимым для человека должно быть то, что реально существует, а незначимым – то, чего не существует. В этом плане неадекватно значимое может быть лишь двух типов: а) когда значимо то, что не существует и принципиально не может существовать; б) когда абсолютно незначимо то, что реально существует.

С другой стороны, однако, побуждение актуально именно потому, что желательного для человека состояния действительности не существует. С удовлетворением побуждение как бы умирает, становится незначимым. Разумеется, для человека значимо и состояние удовлетворенности (как положительное), но оно значимо совершенно иначе, чем состояние неудовлетворенности (как отрицательное). Достаточно вспомнить, что основным стимулом творческой активности отдельной личности и общества в целом всегда были именно неудовлетворенные потребности, стремления, идеалы, мечты. Причем человек многое создал, будучи совершенно не уверен в реалистичности таких желаний.

По этой логике, наоборот, значимым должно быть именно то, чего нет, но что должно реализоваться исходя из объективных потребностей человека; а незначимым должно быть то, что есть как естественно сложившееся или реализованное человеком и ставшее рутинным. Неадекватность значимостной структуры в этом плане состоит в том, что значимыми становятся те побуждения, для которых имеются благоприятные возможности

реализации, а не объективно важные; незначимыми же становятся побуждения, которые представляются человеку трудными или невозможными.

Из этих соображений для нас важны два вывода для решения вопроса о критерии адекватности значимости как объективного образования: 1) в понятие действительности в широком смысле слова следует включать не только наличную, актуально сложившуюся, но и потенциальную, принципиально возможную; не только настоящее и прошлое, но и будущее; не только естественно реальное, но и то, что может быть реализовано с учетом возможностей человеческой деятельности; 2) в понятие действительности следует включать и самого человека как объективное образование, как часть действительности с его объективно заданными потребностями как организма, личности и члена общества (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.А. Деркач и др.).

Субъективно реальное не совпадает с объективно реальным не только в силу возможной неадекватности представления о внешних и собственных возможностях, об объективных потребностях и т.д. Другой тип неадекватности заключается в своеобразной односторонности отражения в субъективной значимости отдельных областей действительности. Так, желательное (или страх перед нежелательным) может быть настолько значимым, отражая объективное состояние организма или личности, что человек теряет реалистическое представление о возможностях реализации этих побуждений. Возможен и односторонний «реализм», когда человек под влиянием видимых трудностей не видит возможности изменения действительности. Стремясь к будущему, он может неадекватно оценивать настоящее; правильно оценивая настоящее, он может неадекватно оценивать будущее. Обычно возможное может оказаться невозможным в рамках данной ситуации и наоборот: ситуативно возможное может быть невозможным как систематическое.

Поэтому в мотивационной регуляции поведения человека мы видим две диалектически взаимосвязанные тенденции: все реальное имеет тенденцию становиться значимым; все значимое имеет тенденцию становиться субъективно реальным. Эти тенденции осуществляются не автоматически, а лишь при определенных условиях.

Субъективно реальным может быть не только то, что действительно существует как предметная и прочая реальность, но и то, что на самом деле не существует (объекты религиозных, расовых, националистических, классовых и других предрассудков). Вера в Бога, ангелов и пр. Делает их в глазах человека внешне реальным, он их «видит» наяву и во сне и, главное, ведет себя, действует, живет исходя из того, что они «есть на самом деле». Если человек считает нечто возможным и ведет себя соответственно, значит, это нечто в некотором смысле реально, причем не только в идеальном плане, чисто субъективно, но и предметно, в силу предметности соответствующих действий, предпринимаемых человеком.

Реально не только то, что есть сейчас, но и то, что было и что будет, хотя одно еще не пришло в настоящее из будущего, а другие уже ушли из него в прошлое. Настоящее структурно сложно и в некотором смысле состоит из а) отживающего, неперспективного, отходящего в прошлое, кратковременного и случайного, эпизодического; б) из зарождающегося, перспективного, устойчивого, принадлежащего будущему. Если представить настоящее в виде своеобразной математической точки, не имеющей материальной протяженности, то настоящее в сущности исчезает как таковое. Но это означает, что такое понимание неверно, и настоящее следует понимать как двухмодальное образование, как бы состоящее из определенных отрезков прошлого и будущего, из уже свершившегося и возможного. Причем, как мы увидим ниже, при специальном анализе пространства и времени с точки зрения значимости, чем активнее взаимодействие личности с действительностью, тем шире зона настоящего, т.е. тем обширнее включаемые в настоящее зоны прошлого и будущего. Истинная реальность настоящего поэтому, как это ни парадоксально, заключается в диалектически двойственной характеристике. То, что я делаю, совершаю, в сущности состоит из того, что я уже совершил, материализовал – и того, что я могу совершить в ближайший период будущего, для чего у меня уже имеются столь же реальные функциональные и иные предпосылки. Вопрос о том, что человек относит к настоящему,

а что к будущему и прошлому, т.е. к уже или еще не реальному, зависит от того, что для него значимо в активно-действенном плане, а что – в пассивно-созерцательном, не связанном с деятельностью.

Реальность прошлого и будущего как компонентов настоящего состоит поэтому в том, во-первых, насколько прошлое и будущее известно, осмыслено, понято и связано с настоящим; во-вторых, в том, насколько прошлые события могут быть развиты или компенсированы, а будущие реализованы или предотвращены. Короче говоря, реальность прошлого и будущего для человека как компонентов настоящего заключается в адекватности отражения этих событий и в том, насколько они во власти человека.

Субъективно реально, хотя и в сколь угодно слабой форме, все, что человек ждет, к чему готовится и даже то, о чем он фантазирует, думает, но реально не в смысле существования соответствующего объекта его переживаний, а в смысле реальности самого переживания как определенного функционального состояния и процесса, с его энергетической напряженностью – процесса, актуализируемого соответствующей значимостью для человека тех или иных объектов или событий.

Соответственно, многое действительно существующее субъективно реально по-разному и в ряде случаев практически как бы не существует для человека ввиду незначимости. Так, многие события хотя и существуют, но отживают свой век, потеряли право на существование в глазах человека; что-то человек отвергает, недоволен в окружающем и в себе; что-то он игнорирует, уходит из сферы действия неких процессов и факторов, устраняет их влияние на себя; к чему-то он эмоционально и деятельностно адаптируется и в этом смысле хотя и условно также дереализуется в плане реального влияния на состояние и поведение; не будучи способен устранить отрицательные факторы, человек снимает или уменьшает действие их последствий и т.д. Все это по существу не что иное, как различные и нередко глубоко своеобразные способы «дереализации» человеком реально существующего. Один способ дереализации отрицательно значимого – прямое его преобразование через деятельность, другой же способ – сознательно-волевое преодоление этой отрицательной значимости, преобразование значимого в незначимое. Иногда фактическая сторона события несущественна для человека, незначима по сравнению с отражаемой, содержательно-смысловой. Один из героев произведения А. Гайдара – мальчишка, разбивший стекло у соседей, так рассуждает о своем поступке: «Ну так что ж, что я? Да ведь это же доказать надо было, а то никто не видел, и по одному только подозрению... Какая же это справедливость выходит? Вдруг бы не я разбил, тогда, значит, все равно бы на меня?» (Гайдар А. Школа. М.: Детская литература, 1978. С. 24–25). Иногда человек, продолжая жить биологически, умирает для окружающих, для общества в своих социальных функциях, влияющих на события (см. Давыдов В.В. Личности надо выделаться // С чего начинается личность. М., 1979).

Регулятивную и определяющую роль играют те из компонентов, которые имеют наиболее широкую сферу детерминации, устойчивы, закономерны, необходимы и т.д. – они «в наибольшей степени реальны», в отличие от эпизодического, случайного, индивидуально уникального, ситуативного, преходящего, чисто эмпирического и т.д. Если нечто сужает сферу своего реального влияния на другие события и объекты, то оно уже «менее» существует, чем раньше.

Актуально происшедшее при определенных условиях может восприниматься как случайное, как то, что могло и не произойти, т.е. его реальность как бы снижается в ранге, оказывается не абсолютной. Актуализация, реализация события еще не делает его субъективно важным, существенным, значимым. В применении к пониманию предмета науки эту мысль хорошо выразил еще Аристотель: «Предмет науки и наука отличаются от предполагаемого и от мнения, ибо наука есть общее и основывается на необходимых положениях; необходимо же то, что не может быть иначе. Некоторые предметы истинны и существуют, но могут быть и иными. Ясно поэтому, что о них нет науки».

Актуализация события – это, безусловно, важная линия его реализации; но в принципе столь же важна и другая его характеристика – систематичность, регулярность, законо-

мерность, устойчивость во времени. В разных аспектах рассмотрения и деятельности может быть определяющей одна, а может быть и другая характеристики, но обе существуют и играют хотя бы минимальную роль.

Равным образом и не происшедшее, не актуализированное событие не обязательно рассматривается человеком как нереальное. Его нереализация может восприниматься как случайная: событие вполне могло произойти. Не случайно человек проявляет нередко яркую эмоциональную реакцию не только на реально происшедшее, но и на то, что хотя и не произошло, но вполне могло произойти, особенно когда больше шансов было за то, что оно произойдет. Переживание (радостное или горестное) относится именно к высокой вероятности не осуществившегося события. Поэтому успокоить, снять эмоциональную реакцию можно, убедив человека, что данного события не могло произойти или оно было маловероятным. И наоборот, можно эмоционально возбудить человека, убедив его, что данное событие (положительное или отрицательное) «готово» было реализоваться на 99% и не реализовалось лишь по чистой случайности.

Как ни странно, в отношении прошлой ситуации у человека может возникнуть комплекс эмоциональных переживаний, во многом аналогичный ожиданию данного события как реального (как будто оно все же произойдет вскоре, хотя это фактически исключается). Человек как бы возвращает ушедшую ситуацию, она становится для него как бы реальной, он даже ощущает в себе импульс что-то предпринять, как-то вмешаться в события и изменить их в благоприятную для себя сторону, хотя в этом нет никакой необходимости (или невозможно). Такова в сущности всякая ситуация неожиданно не происшедшего события: человек готовится к нему, к восприятию и деятельности, и эта функциональная готовность «повисла в воздухе», проявилась как бы по инерции в экспрессивных эмоциональных эффектах. Предыдущий анализ, однако, показывает, что дело здесь не только и, может быть, не столько в инерции функциональной установки, сколько в реакции на несоответствие между содержательной и функционально-динамической сторонами общей объективной ситуации: по наиболее вероятным причинно-следственным связям «готовилось» объективно одно, а произошло (случайно) другое благодаря вмешательству хотя и крайне редких, случайных, «диких», но тем не менее способных предотвратить готовившееся событие обстоятельств.

Когда человек открывает для себя, что в прошлом могло, оказывается, произойти такое-то событие (положительное или отрицательное), он огорчается упущенной возможности или радуется прошедшей мимо неприятности потому, что в сущности он открывает для себя новый, иной объективный контекст, сферу соотнесения событий, которая относится не только к прошлому или будущему, но может продолжаться и в настоящем, поэтому ее необходимо учитывать, она значима для человека и в настоящем.

Реализм отношения человека к действительности заключается не только в том, чтобы брать (отражать, рассматривать, иметь в виду, готовиться) внешнюю для человека наличную действительность как она есть в настоящий момент. Реализм заключается также и в том, чтобы учитывать и активные тенденции личности, вооруженные его функциональными возможностями, при помощи которых человек может изменить эту действительность. Равным образом нереалистично игнорировать ни внешнюю действительность, ни самого человека как активную часть этой действительности. И то, и другое приводит к противоречию, дисгармонии между человеком и внешним миром. Игнорирование внешнего мира проявляется как в незнании его, в частности в незнании более отдаленных последствий взаимодействий с действительностью и связанной с этим неуклонности удовлетворения побуждений, так и в неиспользовании всех объективно заданных возможностей. Игнорирование внутреннего мира проявляется в незнании своих побуждений, их несотнесенности, дезинтегрированности, а также в незнании и неиспользовании своих функциональных, материальных, временных и прочих возможностей.

Реализм состоит в том, чтобы правильно в каждый момент и в каждый длительный период жизни правильно определять, следует ли изменить мир, приспособив его к себе, или менять свои побуждения и свои способности, приспособив их к миру. Что-то

несуществующее становится настолько желательным, что человек ставит себе цель создать это, и рано или поздно создает.

Реализм, следовательно, заключается не только в пассивном отражении действительности и пассивной адаптации к ней, но и в том, чтобы осуществить адекватные пути их изменения, что-то устранив из наличной действительности, а что-то создавая заново.

Реализм проявляется и в том, чтобы соразмерять свои возможности с желаниями, ставить выполнимые цели; не тратить силы на то, что может осуществиться помимо деятельности; не тратить ресурсы на то, что без чего можно обойтись; иметь в виду и быть готовым не только к актуальным, но и к предстоящим, возможным событиям; не только деятельность подчинять целям, но и цели приспособлять к функциональным и иным возможностям, подавляя одни цели и создавая другие.

Когда человек отрицательно оценивает данную сторону наличной действительности, и тем более когда ставит цель изменить ее, он тем самым (хотя вначале и с определенной долей условности, чисто субъективно) дереализует ее. Прежде чем вычеркнуть эту сторону действительности из своего бытия, устранить ее или свести к минимуму фактически, он дереализует ее условно, в своем эмоциональном, значимостном отношении к ней, в своей мотивации и планах деятельности. Даже если он не может непосредственно изменить эту сторону действительности, он использует самые различные формы ее дереализации по отношению к себе: уходит из соответствующей области действительности, формирует своеобразный иммунитет, невосприимчивость к воздействиям, эмоционально адаптируется к данной стороне, т.е. осуществляет частичную девальвацию в этом плане и т.д. Все подобные механизмы выполняют защитную функцию, тем или иным хитроумным способом снижая интенсивность актуального воздействия этой стороны действительности на личность.

Уже когда человек просто эмоционально адаптируется и к положительным, и к отрицательным обстоятельствам своей жизни, к невозможности удовлетворения актуальных потребностей, к относительно небольшим удовлетворенностям, на которых можно экономить ресурсы – уже в этих случаях можно говорить об определенной степени дереализации существующего по отношению к субъекту – дереализации, при помощи которой он снижает актуальность воздействия отрицательных факторов и более рационально распределяет свои ресурсы.

Когда человек предпринимает деятельность ради удовлетворения некоторого побуждения, он должен сохранять своеобразное двойственное отношение к действительности. С одной стороны, принцип реализма, объективности требует относительной беспристрастности, то есть способности человека, скажем, сдвигать момент реализации во времени, даже приостанавливать процесс, изменять его по средствам реализации, в пространстве и т.д., в зависимости от объективных обстоятельств, включая и возможности самого человека. Этот же принцип требует в крайнем случае и способности отказаться от реализации мотивационной установки, если затраты выходят за заданные значимостные пределы.

Многие ошибки типа импульсивного поведения связаны именно с тем, что побуждение строится по принципу «реализовать во что бы то ни стало и немедленно», т.е. любыми средствами, и человек нередко постепенно повышает ставку в этой игре по мере возрастания реальных затрат, выходя за все допустимые пределы.

С другой стороны, принцип целевой направленности требует определенного безразличия к наличному состоянию действительности, требует ее условной, а затем, через деятельность, и фактической дереализации, изменения. И внешняя для человека реальность, и участвующие в деятельности функциональные ресурсы должны меняться по логике принятой цели, а не некой логике собственной значимости того и другого, что может исказить реализацию данной цели (задержать, извратить и пр.). Человек не должен останавливаться перед наличным состоянием действительности и бояться высоких затрат или неопределенности.

При некоторых условиях субъективная цель (побуждение) и объективно жестко заданное обстоятельство, которое невозможно изменить и следует обязательно учесть, – это

одно и то же как по существенным характеристикам, так и по соответствующим внешним эффектам связанного с ним поведения. Общность состоит в том, что то и другое жестко фиксировано, относительно стабильно, не варьирует, не меняется ни в силу внутренних, ни в силу внешних процессов. Актуально развертываемые процессы осуществляются в том и в другом случаях в заданных рамках, пределах, в сфере действия, как бы в силовом поле этих констант. Выход за пределы этих полей детерминации – за пределы целей и за пределы стабильных обстоятельств – оказывает разрушительное, деструктивное влияние на деятельность, превращает процессы из созидательных в разрушительные. Здесь и субъективное, в виде побуждений или способностей, и объективное, в виде статичных обстоятельств или процессов, одинаково реальны, объективны, обладают одинаково фундаментальными свойствами действительного. В то же время то и другое (объективное и субъективное) должно отражаться в субъективном.

Аналогично этому, и процессы при определенных условиях идентичны, независимо от внешнего или внутреннего характера, реализация ли это функциональных возможностей или внешний по отношению к данному человеку объективный процесс. Действительно, для потребности результативного типа в некотором смысле безразлично, удовлетворяется ли она через деятельность данного человека или вне его деятельности (другими людьми, природой вообще «автоматически» для данного человека). В этом смысле для любой результативного типа потребности имеется принципиальная возможность ее удовлетворения вне деятельности самого человека, вне его функциональных затрат. Другой вопрос – возможно ли это в данных условиях, и даже если возможно, целесообразно ли.

В сущности, использование этой принципиальной возможности – это основной путь высвобождения функциональных ресурсов человека и переключения их на новые побуждения, как акт развития человеческой личности. Это и основное направление развития современной цивилизации: механизация, автоматизация, совершенствование сферы обслуживания и т.д.

Естественные функциональные процессы деятельности человека и внешние для него процессы идентичны постольку, поскольку они ведут к одному и тому же (с точки зрения данного человека) результату.

Таим образом, внешние и внутренние образования как в виде результатов, так и в виде процессов, будучи совершенно различными в одном плане (одни принадлежат человеку, другие – нет), тем не менее в указанном существенном отношении могут рассматриваться как идентичные.

Итак, поскольку целевые образования и внешние условия деятельности – это в некотором смысле одно и то же (одно изменять не нужно, а другие изменить невозможно), они образуют зону детерминации типа поля, в пределах которого осуществляются процессы жизнедеятельности человека и конкретной деятельности. Это, по существу, означает, что активная деятельность в ее процессуальном плане развертывается в пределах, внутри этих полей детерминации, то есть в зоне их пересечения. Отсюда следует важный вывод о двойственной структуре деятельности, о двухмодальном характере всех участвующих в ней компонентов: с одной стороны, они должны соответствовать собственно целям как субъективным образованиям, отражающим тем не менее объективно необходимые требования человека как организма, как личности, члена общества; деятельность должна соответствовать целям, находиться в пределах целевых установок, вести к целям и т.д. Кроме того, компоненты деятельности с не меньшей необходимостью должны учитывать внешние, непосредственно объективные обстоятельства, условия, в которых протекает деятельность, и по изменении этих условий и при учете их как неизменяемых деятельность должна находиться так или иначе в пределах объективных требований, адаптируясь к ним или воссоздавая, творчески преобразуя, то есть реализуя потенциальные возможности объективных обстоятельств.

Поэтому одна сторона стратегии деятельности заключается в том, чтобы не делать ничего противоречащего действительности, не выходить за пределы обеих указанных полей детерминации. Другая сторона стратегии деятельности заключается в максимальном

использовании внешних и внутренних возможностей, заключенных в этих полях. Творческое дерзание поэтом состоит в том, чтобы не принимать за неизменное и неизменяемое, «запретное» то, что на самом деле можно и нужно включить в активную область знания и практического использования, то есть не принимать возможное за невозможное. Дерзание состоит также и в том, чтобы не бояться ставить себе смелые цели, которые считались и возможно считаются недостижимыми. Огромная трудность построения в связи с этим новой творческой деятельности состоит в том, чтобы: 1) отбросить, «вытеснить», снизить в значимости одни цели и выдвинуть, интегрировать, возвысить другие; 2) увидеть возможность изменения, воздействия, вариативности в том, что считалось статичным, фиксированным, традиционным и т. д., и отказаться от других воздействий, которые представлялись созидательными и эффективными, но по более глубоком рассмотрении оказываются разрушительными и неэффективными (религиозная деятельность, некоторые воздействия на окружающую среду обитания, отдельные формы воспитания и прочие прагматически узкие по временному масштабу воздействия).

Таким образом, для человека значимы и внешние, и внутренние требования, и субъективные, и объективные, те и другие в конечном счете отражают объективную действительность, но «объективные» (в узком смысле слова) отражают внешние для человека обстоятельства, а «субъективные» отражают не менее объективные требования человека как реального образования – как организма, личности и члена общества. В некотором смысле субъективно значимое и объективно значимое – это отражение как бы разных частей, хотя и глубоко своеобразных, одной объективной действительности, включающей и самого человека.

Когда человек ставит новую цель типа изменения действительности, он в сущности намеренно формирует противоречие между субъективным и объективным тем, что вводит несуществующее желательное состояние действительности, отличающееся от наличного. Причем это желательное состояние для него более значимо, чем наличное (и в этом смысле «более актуально», «более реально»), поскольку это состояние составляет цель, между тем как наличное состояние фактически имеет статус лишь средства, т.е. того, что человек учитывает, использует, но готов отказаться от него, «истратить», изменить и пр. Он отвергает наличное состояние действительности, отрицает его, оно не удовлетворяет человека. Предпринимаемая деятельность направлена как раз на гармонизацию объективного и субъективного через изменение наличной действительности и «подтягивание» ее до уровня желательного состояния.

Уже введение цели – это средство разрешения возникшего противоречия, шаг к его окончательному решению. Постановка цели – это завершение внутренней борьбы мотивов, установление гармонии внутреннего, субъективного мира человека, гармония внутри содержательно-смысловой системы. Цель вводится тогда, когда у человека возникли новые побуждения, и он не хочет от них отказываться, восстанавливая прежнюю «бедную» гармонию. Он, наоборот, хочет их сохранить но для этого ему нужно изменить действительность, приведя ее в соответствие с субъективным представлением, что он и делает, ставя и реализуя цель.

Отказ от побуждения, произвольная редукция значимости содержательного типа, «подавление» побуждения – это иной тип гармонизации, когда человек отказывается от уже сформировавшихся побуждений, чтобы привести субъективную сторону к гармонии с объективной, поскольку эту последнюю изменить нельзя, или слишком трудно, или нецелесообразно.

Человек может быть неадекватным в своем познавательном отражении действительности и в своем отношении к ней, т.е. мотивационном отражении действительности, в своих потребностях, целях, идеалах. В связи с этим и действия человека по отношению к действительности (включая самого человека, его организм и личность) будут неадекватными.

Но следует иметь в виду, что и сама действительность может быть и адекватной по отношению к человеку в той мере, в какой она не предоставляет ему условий для успешной

жизнедеятельности и развития, противоречит и объективным свойствам человека как объективного образования, и его субъективным требованиям к действительности, более или менее адекватно отражающим эти объективные свойства. Именно в силу неадекватности действительности по отношению к человеку он активен, преобразуя ее, создавая в ней новое, избегая отдельных областей и сторон действительности или адаптируясь к ней.

Адекватность или неадекватность человека по отношению к действительности и последней по отношению к человеку проявляется в эмоционально насыщенных значимостных характеристиках, которые сигнализируют об отношениях и участвуют в их регуляции.

Поскольку субъективное в виде побуждений – это отражение объективных характеристик человека в его отношении к действительности, при оценке человека важно учитывать и его действия, и его побуждения, мотивы, даже не реализованные. В содержательном плане человек не тогда стал героем или преступником, когда он совершил соответствующие поступки, а скорее тогда, когда он решился на них, и в той мере он таков и поступок его таков, в какой он был задуман, осознан и пережит им до совершения этого поступка. Потому что совершение поступка может ведь быть и случайным, вынужденным обстоятельствами, не характерным для человека, не целиком его заслуга или его вина (Гегель).

Однако, с другой стороны, в реальном (динамическом) плане думать и переживать человек может что угодно, все это остается «внутри»; важно же, что он сделал, совершил, как он динамически, реально вписался в связи действительности.

Относительная самостоятельность и определенная односторонность развертывания содержательной и динамической сторон психики проявляются, в частности, в том, что, с одной стороны, можно наблюдать такое явление, когда человек всю жизнь делал то, что потом оказывалось вынужденным, внешне навязанным ему обстоятельствами, в которые он попал, ситуативно обусловленным, в значительной мере чуждым ему как личности, имеющим мало личностного смысла. С другой стороны, можно наблюдать противоположное, односторонне содержательное проявление значимости, когда человек может всю жизнь переживать нечто как высоко значимое для него, как мечту и идеал, но ничего или почти ничего не предпринимал для реализации этого идеала. Схематически эти две ситуации можно обозначить как: а) есть действия, но нет (мало) смысла; б) есть смысл, но нет (мало) действий.

Эта односторонность выступает особенно ярко в тех случаях, когда выясняется, что объективно можно было изменить или переосмыслить вынужденный ход жизни и реализовать полностью или частично пассивные эмоциональные переживания, и человек недоумевает, почему же он в свое время не сделал этого – того, что могло превратить его жизнь в действительно полнокровную и счастливую.

Такие парадоксальные явления могут происходить и на уровне отдельных поступков, ситуаций, состояний личности. Разумеется, для каждого такого странного случая имеется вполне реальная объективная причина, некая трудность, но сам человек и окружающие его люди правы и в своем недоумении, почему человек не увидел и не оценил всей важности и настоятельности реализации того, что надо было сделать – той значимости, которая должна превосходить значимость всей трудностей и препятствий, которые для этого надо было преодолеть.

Гармонизируя объективное и субъективное, человек не только меняет значимость смысловых образований под влиянием фактов, но и факты иногда искажает под влиянием возникших значимых смыслов. Об этом говорят нам явления апперцепции при восприятии, искажения фактической стороны восприятия под влиянием апперцепции. Например, известно явление ошибочности свидетельских показаний под влиянием различного понимания смысла событий, интерпретации их и пр., вплоть до искажения временной последовательности событий. Это же происходит и в сновидениях, когда реальные органические и иные ощущения «подгоняются» в ходе фантастической интерпретации под позднее возникший «смысл». Здесь мы имеем пример «обратной детерминации», когда следствие как бы влияет на причину, когда переворачивается обычная временная последовательность детерминации и возникает явление относительной изотропности времени.

Временная последовательность событий при такой интерпретации свободно, произвольно смещается в зависимости от такого критерия, как принятая личностью их смысловая логика. Это происходит, в частности, тогда, когда скорейшее достижение максимального смыслового единства гораздо более значимо для человека, чем достоверность разрозненных фактов (например, в профессиональной деятельности врача при постановке диагноза, при принятии политического или военного решения т.д.); когда некоторые смыслы настолько значимы, что реализуются без должного критического анализа, для которого уже нет функциональной готовности и возможностей.

Перед практикой управления, воспитания, пропаганды и пр. стоят два типа задач: 1) задача адаптации человека к реальной действительности, в частности, снятия, редукации излишних ожиданий, отработки рациональной по функциональным и прочим затратам тактики взаимодействия с действительностью; 2) обратная задача своеобразной дезадаптации к действительности, противодействия стихийным тенденциям прямой адаптации, искусственной и целенаправленной актуализации определенных ожиданий маловероятных, очень редких и даже практически невозможных событий. Например, патриотическое, революционное, интернациональное, нравственное воспитание предполагает условное усиление ожидания тех или иных положительных или отрицательных событий, чтобы осмыслить достижения, значимость исторических событий и актуализировать готовность к высоконравственным, патриотическим и другим актам поведения.

Таким образом, оценивая соотношение субъективно значимого и реального, можно сказать, что значимое имеет сложную структуру, отражающую сложность строения самой реальной действительности, и включает в себя как наличную действительность, так и возможную; настоящее, прошлое и будущее в тех пределах, в которых они доступны данной личности.

Проблема соотношения субъективного и объективного, личностно значимого и реального в отношении разных видов человеческой активности, безусловно, требует дальнейшей, более глубокой разработки с позиций отечественной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
Асеев В.Г. Личность и значимость побуждений. М., 1993.
Асеев В.Г. Соотношение значимого и незначимого в личности. Проблема личности в психологии. М., 1988.
Гегель Ф. Соч., т. 3. М., 1972.
Деркач А.А. Субъектные феномены: акмеологический подход. Монография. М.: РАГС, 2010.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1998.

ON THE RELATION BETWEEN SUBJECTIVE AND OBJECTIVE

Vladimir G. Aseev – Doctor of Psychology, Professor. Department of Akmeology and Professional Psychology of the Russian Academy of National Economy and the Public Service under the President of the Russian Federation; e-mail: aseev@ur.rags.ru

ABSTRACT

The article substantiates the idea of combined ratio of objective and subjective in human life in the motivational aspect. Active attitude to reality requires not only an adequate reflection of reality, but also a highly meaningful wanted or unwanted State actually in terms of its transformation.

Key words: subjective, objective, subjectively meaningful, real, dynamic, informative and motivational reflected reality.